

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Конкурс «Кровавый расколбас». Рассказ № 2: Последняя инстанция

Всю свою жизнь Кирюха ненавидел выражение «дождь стеной». Так оправдывались доставщики пиццы и девушки, опаздывающие на свидание. Так ругалась его мать: стоило Кирюхе в детстве промочить ноги, как она упирала руку в крутое бедро и восклицала: «Ты больной? Там же дождь стеной! Каким местом ты думал, когда обувал эти кеды?!»

Мамаша взяла вечный отпуск в октябре прошлого года, упокоившись под плитой черного мрамора, но её голос, полный осуждения, преследовал Кирюху до сих пор.

— Не люблю дождь, — признался он. Такси рассекало ливень, как подводная лодка, фары светили тускло и еле справлялись с подступившей темнотой. В такие моменты Кирюху тянуло откровенничать, а отказывать себе он не любил.

— Разок я в дождь та-а-акую бабу оприходовал, — похвастался он. — Не знаю, чесговоря, чо там с сиськами, она в пальто была, плюс шарф, плюс ливень. Во, — Кирюха кивнул, указывая за окно. — Такой же ливень, стеной! Но фейс у неё был аж кукольный. Зажал, значит, в подворотне, пальто и юбку задрал, а она мокрощелится — нет, мол, не надо, не трошь, кричать буду!

Водила молчал. Затылок его, такой же холеный и прилизанный, как и лицо, выражал смешанные чувства.

— Ну, я её от колготов избавил, — продолжил Кирюха, — А трусы так вообще, кружавчики одни. Пристроился кое-как, вставил наконец, а она как заорет! Будто её кочергой ебли, а не хуем. Так верещала, что я ей рот её же собственным шарфом умотал и придушил. Думал — чуть-чуть, чтоб не визжала. А она подергалась, пока я наявивал, да и откинулась, сечешь? Ебу я, значит, дохлую телку, дождяра лупит, а у неё там все хлопает, и теплое такое, как будто живая...

Водила молчал, и чувствовался в этом молчании ужас человека, который забыл, по какому номеру дозваниваться в милицию: «02» или «03»? Кирюха тем временем поскреб пальцами щеку, сонно жмурясь, и разоткровенничался.

— А одной я реально засадил кочергой, вот смеху-то было. В зад, значит, пока спереди её ебал. А еще одной предложил кайфонуть салицилкой. У неё там какая-то херня была, осенняя депрессия из-за дождика или типа того. Давай, говорю, это безопасно, какие дела? Так она жрала аспирин горстями, а потом тащилась, прямо пока мы еблись. У неё кишки в решето превращаются, а она такая: да-а-а, да, котик, еще! Сечешь? Блузка нараспашку, сиськи наружу, и подпрыгивают, гладенькие такие, чисто мрамор, и соски как черешни...

Водила молчал. Кирюха был сантиметров на двадцать его выше и в полтора раза тяжелее — здоровый ебарь, такого одной левой из тачки не выкинешь.

— Дохуя их у меня было, — признался Кирюха. — А знаешь, как всё началось?

Водила молчал. Казалось ему, что в молчании — единственное для него спасение.

— Была у меня баба одна, Юлька, — Кирюха мечтательно прикрыл глаза. — Ну и, значит, сидим мы в тачке, я за рулем, а она рядышком. Сунул ладонь ей между ног, а она такая — о-о-о-о, бля, давай рещце! И голос у нее такой — с хрипотцой. На такой голос встает крепче, чем на упругий третий. А её упругий третий тоже при ней, вывален из сарафана и колышется, ну, в такт её стонам, и вся она такая, белая и гладенькая, как фарфор, опизденеть можно. А я пальцами раздвигаю все эти складочки, там уже влажно, и, значит, пощипываю, тру, а потом

всей ладонью ка-а-ак...

Водила дал по тормозам, смутно представляя, что теперь их ждет: и его, и тачку, и ебнутого на всю голову клиента. За окном виднелась металлическая ограда — маленький отель за чертой города. Пункт назначения, окруженный дождем.

— Ну и, значит, Юлька справляется с моим ремнем за полсекунды, — продолжил Кирюха, словно не заметив, что такси остановилось. Он потирал руки — в тачке было холодно даже при включенном отоплении. — Я так не умею, чай, не пожарник. А мы на трассе! И она, значит, наклоняется и заглатывает до яиц, умелая такая пиздопроебина, бля, я аж дар речи потерял. А потом я... знаешь, что потом?

— ... а потом ты сбрасываешь скорость и пристегиваешься? — то ли испуганно, то ли стеснительно предположил водила. Бледный он был, как обивка его «Лады».

— Не-е-е, — сказал Кирюха, и лицо его вдруг стало хищным. Все черты заострились: вот человек, который треплется о своих похождениях, а вот человек-волк. Даже ямочка на подбородке стала резче, как трещина в мраморе. — А потом я даю маху, мы впиливаемся лобовухой, и мне куском металла всё лицо выносит — бам! Сечешь?

Дождь лупашил по крыше авто — бил по металлу, словно из какого-то бесконечно большого ведра сыпались болты.

— Так я стал призраком, — закончил Кирюха, вытащил из бумажника пятихатку и бросил её на переднее сидение рядом с водилой. — Одна баба решила мне соснуть, а я из-за неё откинулся. Сечешь? И я решил — какого хуя? Теперь я их ебу и убиваю — каждая курва этого заслуживает.

Водила что-то промычал, мелко дрожа и не отрывая взгляда от дороги. Не то, чтобы он верил в паранормальную природу своего клиента... но, какой бы ни была его природа, положение водилы было швах.

— Ну, — сказал Кирюха. — И чё мне с тобой делать?

— Я-я-я... — протянул водила. — Я сдачу сейчас дам и поеду...

— Не, — с ленцой ответил Кирюха. — Ты теперь побежишь, растреплешь обо всем в ментовке... Я, может, и дохлый, но огласку не приветствую.

Водила что-то промычал, отупевший, напрочь онемевший от страха.

— Я не услышал, — сказал Кирюха и привстал. — Чё ты мямлишь? Повернись, когда со мной говоришь.

Руки его сомкнулись на чужой голове и развернули уверенно, как в старом анекдоте — «до щелчка». Лицевые мышцы водилы перекосило, и он разом перестал быть ухоженным, лощеным и живым.

— Ну вот, — огорчился Кирюха, и развернулся, выбираясь из машины. — Хуй вас поймешь: руку свернешь — орете, голову — молчите...

* * *

Всю свою жизнь он ненавидел выражение «дождь стеной».

... а теперь только оно и подходило. Каждая капля казалась холодной и острой, как шрапнель. Дождь падал с небес, словно железная штора, отгородив крошечный отель от всего мира, и Кирюха выполз из машины, выставив перед собой зонт, как щит Чудо-Женщины.

На входной двери была наклеена размокшая бумажка. «Уважаемые гости отеля», — сообщала она. — «Наш коллектив желает вам приятного отдыха и заверяет, что никто из обслуживающего персонала не является зомби».

Снизу кривым почерком было приписано:

«И вампирами».

«И инопланетянами».

«Даже если портье поклялся в этом на мизинчиках».

Добравшись до входа, Кирюха отряхнулся и кое-как сложил металлические спицы, беспощадно вывернутые ветром. Волосы его насквозь промокли. Вздувшееся брюхо чемодана было заляпано грязью, как африканский бегемот в своей естественной среде обитания. Кирюха продрог и выглядел, как человек, который только что перешел вброд сточную канаву, пару речушек и озеро Лох-Несс.

Светлое маленькое лобби встретило его тишиной. Вдоль окон громоздились столики: один из них был перевернут, а за другим сидела старушка в темно-синем платье и шляпке с вуалью, темной и по-стариковски безвкусной. С другой стороны царил маленький бар, сбоку от него приткнулась стойка портье. Прямо на стойке, забросив ногу за ногу, восседал здоровенный мужик с коротко стриженными светлыми волосами. Судя по униформе, он был барменом. Судя по тому, что черная жилетка была расстегнута, а рукава рубашки небрежно закатаны — он был плохим барменом. Судя по тому, что вместо работы он сидел на стойке портье, курил сигарету и старательно выдувал дым в сторону пожарного датчика, служба здесь вообще была из рук вон. Датчик так и не сработал, бармен расстроился и затушил сигарету прямо о стойку, после чего опустил голову и наконец-то заметил Кирюху.

— О! — воскликнул он без энтузиазма. — О. Убивать таксистов — дурной тон. Мы, конечно, позаботимся о тачке, но...

— Нахуй пошел, — через силу просипел Кирюха. Кажется, его продуло в поезде. — Есть тут кто-нибудь...

— Не-е-е, — лениво потянул бармен, прикуривая следующую сигарету. Стаскивать свою задницу со стойки он не планировал. — Портье сейчас нет. Хуй знает, где он шляется уже второй месяц, но он тот еще убан. Зачем он тебе? — Я призрак, — объяснил ему Кирюха, как тупому. — А у вас тут последний приют для призраков, всё такое. Мне рассказали!

— Ну конечно, — скучающим тоном ответил бармен. — Ему рассказали.

Кирюха прицелился в него зонтом и глянул сурово.

— Тут, говорят, убивай — не хочу, вы всё приберете, — сообщил он. — Ну и халявное бухло, опять же...

— Всем подавай халявное бухло, — бармен скривился, спрыгнул со стойки и пошарил за ней, а потом бросил в лицо Кирюхе что-то прямоугольное и металлическое, больно ударившее его по носу. — Триста седьмой, третий этаж, от лестницы налево.

Ключ, сцепленный с тяжелым металлическим прямоугольником, упал на пол. Кирюха наклонился и зашарил рукой, а бармен покинул владения портье и вернулся за барную стойку. Позвякав чем-то, он выставил на стол пару стаканов, осмотрел бутылку виски и вместо нее открыл водку.

— А вискарь? — обиделся Кирюха. Сейчас, когда бармен стоял, он оказался двухметровым и здоровым как медведь. Кажется, жилетку он не застегивал не в силу раздолбайства, а потому, что стандартная униформа не сходилась на его груди.

— Жри, что дают, — отрезал бармен. — У нас тут с новенькими строго — нужно подписать кучу бумажек, собрать справки... чтобы, значит, ты стал официально приписанным к отелю призраком.

— О, — удивился Кирюха. — И тут бюрократия. А у вас всегда так пусто?

— Не-е-е, — протянул бармен, покачивая стакан в руке. Водку он пил не по-людски — чокнулся с Кирюхой и теперь смаковал её, как хороший коньяк. — У нас тут дохера народу, вот увидишь. И кто тебе слил адрес?

Кирюха хлопнул залпом, крикнул и покосился налево — на барной стойке стоял припыленный стакан, в который бармен тоже плеснул на два пальца. Рядом со стаканом никого не было, только стоял барный стул.

— Ну, — начал он. — Ебу я, значит, одну телку...

История по его меркам была почти классическая — он трахал деваху на подоконнике, а потом продавил стекло её спиной и выпихнул из окна. Деваха, правда, цеплялась и не хотела вниз, но Кирюха спешил — ему пришла смс-ка. Ничто не раздражает сильнее, чем повторяющийся сигнал смс-ки — даже вопли бабы, у которой вся спина распорота битым стеклом. В данном случае Кирюха совместил приятное с полезным, избавившись и от того, и от другого. Деваха расшиблась спустя три секунды головокружительного полета, а смс-ка была длинной и обещала ему...

— ... а-а-а-ахуенный отдых, просто ахуенный. Так что, я останусь?

Бармен налил ему еще водки, а сам взялся перетирать высокие коктейльные бокалы. Смущенным, испуганным или каким-то еще он не выглядел.

— Ну, раз так, — сообщил он. — Расскажу тебе правила комфортного проживания в нашем отеле.

Кирюха кивнул, прислушиваясь к себе и ощущая, как проходит онемение в продрогших мышцах. Тепло разливалось откуда-то снизу — как ни странно, не от желудка, а от ног.

— У нас тут все странные, но ты привыкнешь, — сказал бармен, подливая в пыльный стакан на стойке чего-то светлого и пахнущего персиком. Куда делась водка, Кирюха не заметил, а спрашивать не стал. — Бабулю за столиком видишь? Не трогай бабулю, вообще не трогай, она не любит новеньких... И меня не любит, и вообще никого, только играет иногда в шашки со старушкой Мэг.

Кирюха поднял голову.

— Кем?

— Чего?

— Кто такая старушка Мэг?

— Не представляю, о чем ты, — ответил бармен. — Дальше. Дневной портье — говнарь злобучий, не связывайся с ним. Работниц прачечной трахать нельзя, а то чистых простыней в ближайший год не дождемся. В отеле не бузить, у меня к постояльцам четкие требования. Он пошарил под стойкой, достал обрывок бумаги и расстроено на него уставился.

— Бляха. Надо будет распечатать еще.

Он уронил бумажку рядом с рукой Кирюхи и, кажется, утратил к ней интерес. Кирюха кое-как расправил ее согретыми пальцами. На бумажке обычным таймс нью романом было напечатано:

«Постояльцам отеля строго воспрещается:

— петь серенады фривольного содержания старушке Мэг и кошкам постоялицы из номера 305;

— сообщать, что они являются мужьями, братьями, двоюродными бабушками или троюродными дедушками членов обслуживающего персонала. Даже при наличии

документального подтверждения.

— угрожать работницам прачечной анафемой.

— ловить служащих женского пола и таскать их за ноги по коридорам с воплем «Сжечь ведьму!»

— при заселении постояльцев в номера 102, 103 и 108 свистеть и орать «Неудачник!» Да, в этих номерах нет окон, и раз в час они уменьшаются в длину на 2.5 см, но это не повод считать их хуже, чем др...»

Дальше запись обрывалась. Бумажка заканчивалась бахромой, как будто ее пожевали и выплюнули. Кирюха присвистнул.

— Весело тут у вас. А остатком правил ты подтерся?

— Остаток правил съела старушка Мэг.

— Кто?!

— Не представляю, о чем ты, — откликнулся бармен. — Всё, вали в номер. Весь день в дороге, небось?

— Типа того, — Кирюха кивнул и кое-как сполз задницей с барного стула. В голове шумело, как будто вместо водки он пил дихлофос. — А бабы тут красивые?

Бармен оторвался от полировки бокала и поднял голову.

— Чего?

— Ну, мне обещали классный отдых, — пояснил Кирюха. — А для него нужны бабы.

— О, — сказал бармен, и подлил в ничейный стакан на стойке черничного шнапса. — Бабы у нас клёвые. Тебе понравится.

* * *

У Ярого были четкие представления об идеальном рабочем дне. Во-первых, его не должны были трогать. Во-вторых, ему не нужно было быть человеком-оркестром, исполняющим роль бармена, портье, горничной, еще одной горничной, медбрата, психолога, секса по телефону и мальчика из службы доставки. В-третьих, к нему не должны были притаскиваться больные на всю голову мудаки вроде Кирюхи. Он и имя-то Кирюхи не запомнил, так и звал его: «мудак». В четвертых, ему не нужно было убираться после старушки Мэг.

Сегодня все четыре пункта его нехитрых правил были нарушены. Рабочий день Ярого катился псу под хвост.

— Не знаю, что делать, — признался он, половой тряпкой оттирая с окон кровяную. — Этот мудак порешил семнадцать баб. Это что же мне теперь, каждую принимать, выслушивать жалобы и отпускать восвояси? Мне за такое не платят! Мне даже за барменство не доплачивают, по-моему!

У барной стойки сидела девчонка в розовой майке и с мобильником. Надпись на майке гласила: «Ищу интим, работу не предлагать», но тощие сиськи и простецкое лицо девчонки подсказывали, что никакого интима она не ищет. Только глаза у неё были яркие, выдающие немалый возраст и задор. Рядом с девчонкой стоял припыленный стакан. Черничный шнапс она не допила, потеряв интерес, и теперь терроризировала свиняток в «энгри бёрдс».

— Да брось, — сказала девчонка, не отвлекаясь от игры. — Ты классный, как-нибудь справишься.

Ярый смахнул с барной стойки что-то, больше всего напоминающее половинку легкого и оторванный пищевод, и принялся оттирать кровь.

— Я-то классный, — признал он. — Но я заебся уже с этими призраками и их жалобами. Сразу

после этого дела — уволюсь.

— Не, не уволишься, — сказала девчонка, не отрываясь от мобильного. — Ты так в прошлый раз говорил. И в позапрошлый. Пиздишь как дышишь, короче.

— Семнадцать баб! — рявкнул Ярый, с громким хлюпаньем отшвырнув тряпку. — Почему я за них должен отвечать? Узнаю, кто этого мудака сюда приволок — выебу в мозг сквозь черепушку и скажу, что так и было.

— Ну, если у тебя хуй пролезет в глазницу, то...

— Бля, — осуждающе сказал Ярый. — Оса!

Девчонка пожалала плечами и отложила мобильник. Лицо у нее было узкое и деловое, с упрямой морщинкой между бровей.

— У тебя тут не последнее прибежище, — сказала она. — У тебя — последняя инстанция для тех, кто никому больше нахер не нужен. Ты на них забьешь?

Ярый помолчал, вытер руки вафельным полотенцем и уселся рядом. Придвинул к себе пустой стакан — раньше из него пил Кирюха. Во время инцидента со старушкой Мэг стакан слегка обляпало, но к сукровице Ярый относился философски. Он плеснул в стакан чистого спирта, покачал его в руке и вздохнул. — Ладно, — сказал он. — Ты, может, и не существуешь, но дело говоришь.

— Ну а хули, — хмыкнула Оса, возвращаясь к птичьему террору. — Давай, зови его баб. Вот накатают жалоб — тогда и решишь, что с ним делать.

Ярый кивнул и отхлебнул из чужого стакана, сморщился весь, а потом поднял взгляд. Перед ним стояла голая, белая как мрамор и совершенно мертвая деваха. Её бедра, ягодицы и спина были украшены страшной, чуть синеватой бахромой — в тех местах, где кожу пропоролы осколки стекла.

— Да, из окон падать — это вам не хуй сосать, — сказал Ярый и спрыгнул со стула. — Ну, уважаемая, на что жалуетесь?

* * *

В работе с призраками всегда были определенные тонкости. Одинокие при жизни хотели общения. Убитые хотели мести и сочувствия. Убийцы тащили за собой целую вереницу душ, и никакие силы небесные не могли освободить Кирюху и его семнадцать мертвых баб из этого мира, пока каждая из них не получит желаемое.

Ярый, несчастный бармен и лекарь душ человеческих, хотел только одного: чтобы всё это поскорее закончилось. Ну и полный соцпакет. И отпускные. И командировочные.

Командировку он тоже хотел: «подальше отсюда», — но мироздание было против, и вместо пляжа где-нибудь на Бали его ожидали семнадцать призраков с жалобами.

Первую звали — Оксана.

Как и любая порядочная баба, которую грохнули во время секса, она хотела две вещи: совокупляться и убивать. Убивать Ярого, пока тот находился на рабочем месте и под защитой отеля, было невозможно, а значит, оставалось только одно.

— А... а... ху... ен... — Ярый сбился с дыхания, переворачиваясь и швыряя тёлку Кирюхи на простыни. Страсти у мертвых всегда выше крыши — они маринуются в соусе из своих желаний и стремлений, из обид и удовольствий, из всего того, что составляло их жизнь в последние пару минут. Ярый хватал её за истерзанный зад, и разок даже порезался стеклом — осколок засел глубоко в мышце и остался с призраком на веки вечные. Ярый рычал, и стонал, и вбивался между раздвинутых ног, заставляя Осканкины груди высоко подпрыгивать, и

думал о том, что такой метод общения с пострадавшими по-своему хорош.

— Ох, блядь, — он ухватил её за бедра, вжимая извивающееся тело в простыни и налегая сверху, впиваясь губами в мраморно-белое, мертвое горло. — Я... Я сейчас...

Он кончил ярко, мгновенно, будто в мозг засадили иглу, пронзив пресловутый центр удовольствия. Ярый откинулся на постель, вытянувшись всем телом — мощным и таким же бледным, как у мертвой женщины, которую он только что ебал.

— Бля-я-яха, — протянул он мечтательно. И посмотрел на Оксану. — Ну, успокоилась?

Призрачная баба кокетливо повела плечиком и вправила бедро, выдернувшееся из сустава и натянувшее кожу. Хотя она и распадалась на куски, но могло быть и хуже: после падения с шестнадцатого этажа призрак мог стать любимым, включая ползающую кляксу из кожи и мяса. Как бы Ярый удовлетворял кляксу, он не знал и знать не хотел.

Мертвой женщине не нужно было говорить. Ярый целовал её приоткрытые губы и понимал её историю, как на духу. Кирюха — мудака. Он убивал их, потому что мстил, но разве его бабы этого заслуживали?

— Ваша жалоба принята к рассмотрению, — сказал Ярый, наконец-то продышавшись, и отбросил простыню. — Следующая!

* * *

— Знаешь, что я подумал, — сказал Кирюха, падая за барную стойку. — Теперь мне не нужно платить ипотеку. И работать. И покупать еду. И стирать носки. Слушай, а это охуенно — быть мертвым!

— И не говори, — сказал Ярый, перетирая бесконечные стаканы. Оса, невидимая для Кирюхи, сидела рядом и возила соломинкой в припыленном стакане с колой. Её футболка сообщала: «Секс-инструктор. Первый урок бесплатно».

— А вы все тоже мертвые? — с интересом уточнил Кирюха.

— Я похож на мертвого? — спросил Ярый.

— Нет, но...

— А бабуля похожа?

Кирюха покосился на бабу с вуалью. За сутки она, кажется, даже ни разу не вздохнула.

— Ну, вообще-то...

— Хватит болтать, смотри сюда, — скомандовал Ярый, доверительно наклоняясь к лицу Кирюхи. — Видишь вон ту бабу?

Бабу видели все — блондинистые кудри, намотанные на бигуди, чуть полноватые бедра и ночная рубашка в кружавчик. Впрочем, это была и не «баба» вовсе — так, женщина чуть за тридцать с крепкими грудями и капризным лицом. Женщина стояла на ступеньках, подбоченившись, осматривала лобби и кого-то искала.

— Она из постоянных клиентов, делает а-а-ахуенный минет и три раза в неделю играет с мужем в «застукивание с любовником», — сообщил Ярый. — Любовников они обычно убивают, но ты у нас парень не промах, сам разберешься. И не смотри на потолок!

— Чего? — встревожился Кирюха. — Что не так с потолком?

— Смутишь старушку Мэг, — сообщили ему. — А она этого не любит.

— Кто, блядь, эта ваша...

— Не представляю, о чем ты, — ответил Ярый. — О, женушка уходит, лови ее!

— Ща! — Кирюха с готовностью прыгнул со стула. — Чувак, ты лучший!

— Да, я такой, — согласился Ярый, глядя ему в спину, и долил Осе в выдохшуюся колу

немного рома. — Он у нас всего сутки, а я уже устал.

Посетителей в лобби было немного: гостья из сто четырнадцатой, на которой из одежды был только респиратор с затемненным стеклом; мужик из триста одиннадцатой с вывихнутой челюстью, похожий одновременно на Мэттью Макконахи и Роберта Паттинсона; парень из двести восьмой, таскающийся по этажам с мобильником в поисках покемонов. В нем не было ни одной целой кости, из-за чего его тело колыхалось, как медуза. Пацана сбил автобус, когда он гонял по городу со своим покемон-гоу.

— Скольких отсобеседовал? — поинтересовалась Оса.

Вопрос был с подвохом. Первая женщина в списке Ярого была ненасытна, слегка ободрана и ничего не имела против анала. Принимать её жалобы на постояльца из номера 307 (Кирилл Масленников, 36 лет, неженат) было сплошным удовольствием. Вторую Кирюха протравил метанолом — она была слепой, немой, слегка парализичной, и секс с ней напоминал американские горки в маленьком русском городке, где все вагончики подергиваются, скрипят и грозят развалиться. В раздувшемся животе третьей было много воды и дерьма — похоже, кто-то переусердствовал с клизмой. Кишки несчастной бабы, влажные и раздутые, не вынесли прямого удара в живот, и смерть её была довольно мерзкой. Ярый, привычный к кровище, но не к говну, блевал в туалете большую часть времени, отведенного под составление жалобы.

— Ах ты моя нежная фиалка, — умилилась Оса. — Помнишь того постояльца из двести второй, который накатыл на вас восемь жалоб и две докладные из-за дыры в пиджаке? Когда горничные ободрали его и сшили костюм из его собственной кожи, ты мне сказал, что хочешь «малиновое мороженко, только чтоб вот правда малиновое, как его кишки сейчас».

— Так то кишки, — грустно сказал Ярый. — А то баба с сепсисом во всех внутренностях, которая воняет, как тонна дерьмища. У меня тонкая душевная организация. Я уволюсь к хренам!

— Соберись, тряпка, — отрезала Оса. — Кто там у нас по графику?

* * *

С каждой мертвой женщиной, побывавшей в койке Ярого, росла его уверенность в своей правоте. Мудаки заслуживают, чтобы их вздрючили. Кирюха этого заслуживал, как никто другой.

Одной своей бабе он скормил столько парацетамола, что хватило бы на армию заболевших детей. Прежде чем умереть, она двенадцать дней валялась в коме. У другой из влагалища торчала ножка стула, и Ярый принялся за дело, громко сказав «даже знать не хочу». Еще одну задумчиво хлестали по попе скакалкой, а после ею же и задушили. К слову, барышня была задорная, порку любила, а Ярого оседлала крайне настойчиво, усевшись пиздой на лицо. Он вылизывал её с фантазией, любопытно елозя кончиком языка, посасывая бледную, чуть розоватую плоть, а вездесущая Оса сидела рядышком на подоконнике, болтала ногами и давала советы. Словом, все шло своим чередом. Если бы не одно «но».

— Он собрался уезжать!

Ярый швырнул полотенце, едва не угодив им в респиратор голой, божественно красивой гостьи из сто четырнадцатой комнаты. Лица её видно не было, говорить она то ли не хотела, то ли не могла, но вполне сносно объяснялась жестами. Обычно Ярому этого хватало, но не сегодня. Сегодня он был зол.

— Долбаный Кирюха собрался уезжать! — сообщил он Осе, игнорируя попытки гостьи в

респираторе заказать себе дайкири. — Ему тут, видите ли, скучно!

— Почему ты не можешь вынести вердикт досрочно? — спросила Оса. — Ты принял уже десять жалоб... не так уж мало.

— Тогда его бабы останутся тут на веки вечные, — вздохнул Ярый, и вместо дайкири налил гостю чистого рома. Она расстроено пошипела фильтрами респиратора, но жаловаться не рискнула. — Каждая из них должна подать мне жалобу. Только тогда они смогут уйти.

Под руку сунулся куцый мужчинка из триста второй, взвизгнул обиженно:

— У вас в отеле что, нет бассейна?

— А у вас нет клетчатой рубашки и пизды, — рявкнул Ярый. — Но я же не жалуясь!

— Да ты мастер общения с клиентами, я смотрю, — хмыкнула Оса.

Куцый мужчинка подпрыгнул, потрясая кулаком, и куда-то умчался. Ярый проводил его тяжелым взглядом.

— Я в раздрае, — пояснил он. — Если Кирюха слиняет из отеля, то я его не то что наказать — даже пожурить не смогу. Еще чуть-чуть, и тебе придется с ним трахаться, чтобы он не свалил!

— Я не существую, болван, — сказала Оса, запуская трубочку в стакан с джин-тоником. — А...

— Ярый пожал плечами. — Ну, значит, еще чуть-чуть, и мне самому придется с ним трахаться.

— О-о-о, — оживилась Оса. — А на это я бы посмотрела!

— Дуреха ты, — сообщил Ярый, подтащил к себе зазвонивший телефон и зажал трубку между плечом и щекой.

— У меня в номере собака! — завопила трубка. — Почему у меня в номере собака?!

Оса прикоснулась ладонью к груди, изображая медленный вдох. Ярый кивнул, трижды глубоко вдохнул и выдохнул, пытаясь успокоиться, и сообщил в трубку:

— Не паникуйте, она сама уйдет. Просто не давайте ей жевать вяленое мясо и сигареты. Особенно сигареты. Осо... что? Уже? Съебывайте, съебывайте оттуда!

* * *

На этот раз Оса нашла его на третьем этаже. пальцами по нежным, текущим смазкой складочкам плоти, ухватил ладонями округлые ягодицы и развел. В ложбинке между ними все было такое же белое и мраморно-гладкое — ни тебе пятнышка, ни волоска. Очко у Юльки оказалось рабочее — растянутое, жадное до хуя, и Ярый сплюнул в ладонь, быстро повозив по члену и пристроившись головкой. Надавил, вгоняясь быстро, с удовольствием, дергая бедрами в такт, хватая призрачную тварь за руки и бедра, за идеальные груди, словно пытаясь ощупать каждый сантиметр её охуенного тела.

А потом всё закончилось.

Ярый стоял, упираясь руками в кривоногий столик, вокруг него были разбросаны внутренности, а Юлька исчезла, словно её и не было. Ни её самой, ни респиратора, ни охуенного зада — Ярому остались только заляпанные спермой штаны и вязкая, пульсирующая злость внизу живота.

Он выпрямился, кое-как засунув член в трусы, и развернулся. На лестнице стоял Кирюха, и лицо у него было ошеломленное.

— Это чё за... — сказал он.

— Ну, обкончал я штаны, и что теперь? — рявкнул Ярый. А потом догадался, что Кирюха говорил не о нем, а о кишках, намотанных на люстру.

Помедлив, Ярый застегнул штаны, вытер руки о бедра и сказал:

— Кирилл Масленников, на вас поступили семнадцать жалоб. Как официальный

представитель отеля, я уполномочен с этим разобраться.

Кирюха выдвинул челюсть и набычился.

— Ты, хуйло, — буркнул он. — Какие бля жалобы?

— Ты убил семнадцать женщин, — пояснил ему Ярый. — У меня тут не последнее пристанище. У меня последняя инстанция для тех, кто свихнулся и творит хуйню.

— Я призрак, — сообщил Кирюха. Голос его звучал непоколебимо. — Творю что хочу!

— Не-е-еа, — Ярый усмехнулся и наклонил голову. От потолка отделился кусок легкого и громко ляпнулся на пол. — Ты живой, дебила кусок. Ты, конечно, маньяк еще тот... Но совершенно точно живой.

* * *

Светало.

Ярый и Оса сидели на крыше отеля, притащив из бара стулья, бокалы с пойлом и целую стопку распечаток. В бокале Ярого было что-то липковатое и сладкое на вкус — то ли кровь, то ли портвейн. Бумажка, которую он сжимал в ладони, гласила:

«Гостям отеля строго воспрещается:

— спорить с горничными на их душу, завтрак, девственность, второй поцелуй первой дочери, последний луч мартовского солнца, шестьдесят шестую страницу любимой книги их отца etc.

— брать шеф-повара на слабо. Мы уже выяснили, что он может выпить всю воду в прачечной, поменять местами мебель на первом этаже с мебелью на втором, перекрасить стены отеля в ядовито-розовый цвет и промяукать 18 часов подряд. Больше никаких экспериментов!

— дуть на пальцы и говорить «сейчас, только ногти докрашу», когда требуется экстренная уборка после визита старушки Мэг. Внутренности на шкафах — фи, это же негигиенично! То, что вы не прислуга, вас не оправдывает!

— на вопрос «Что произошло в вашем номере?!» отвечать «Все, что случилось в Вегасе, остается в Вегасе».

— говорить работницам прачечной «Да у Скарлетт Йоханссон размер груди больше твоего ай-кью!»

— даже если это правда.»

— Вот зараза, — сказал Ярый, отпуская бумажку. Она полетела, подхваченная ветром, кружась и хлопая углами, словно птичьими крыльями. — Я написал тысячу правил, чтобы больные на голову призраки не разнесли мне отель. Теперь что же, нужно написать еще тысячу правил для больных на голову людей?

— Да ладно, — хмыкнула Оса, не отрываясь от мобильного. — Он расшибся на тачке, бабу свою угробил, а сам уцелел. Вообразил, что сдох вместо неё, и начал оправдывать этим убийства. Он не больной — просто маньяк.

— Еще какой больной, — возразил Ярый. — Он живой человек, считающий себя призраком!

— А ты призрак, болтающий со своим воображаемым другом.

— Стерва.

— Пиздюк.

— Мозгоёбка.

— Потрахаемся?

— Если бы ты была настоящей, я бы согласился.

От чердачной лестницы донеслись звуки борьбы, и Ярый обернулся. Прямо по центру крыши была установлена устрашающего вида конструкция — резиновый фаллос длиной в метр,

нанизанный на металлический штырь. Как сказала Оса: для несгибаемости. Шестнадцать обиженных призрачных баб втащили Кирюху на крышу, заботливо поддерживая его под руки и хватая за голые ляжки. Еще одна выдавливала смазку на резиновую елду. Сам Кирюха был раздет. Связки на ногах ему предусмотрительно подрезали — теперь он елозил ступнями по крыше, но встать не мог.

— Чё за хуйня, — ныл он. — Ярый, Ярый, бля, какого хуя, Ярый, ты ж мне бро, ну убил я их, и чо? Тебе бабы важнее братана?

— Да, — признался Ярый. — Мне что угодно важнее такого братана как ты.

Призрачные девы напряглись, усаживая Кирюху задом на метровый хуй, и тот завыл — недоуменно, с яростью, отпихивая тонкие девичьи руки.

— Какого хуя! Какого хуя! Чё за хуйня!

— Я подумал: такому пидору, как ты, и кончина нужна соответствующая, — пояснил Ярый. — Между прочим, было непросто найти метровое дилдо. Я полгорода объездил!

Кирюха завыл — призрачные бабы наконец обнаружили нужное отверстие и с азартом висли у Кирюхи на плечах, насаживая его на резиновый хуй.

— Первые сантиметров двадцать будет терпимо, — обнадежил его Ярый, покачивая в бокале портвейн. Или кровь. — Потом эта ебанина потеснит в тебе дерьмо, подвинет внутренние органы и будет натягивать кишку до тех пор, пока она не лопнет. Смерть так себе, но лучшего ты и не заслуживаешь.

Оса сидела рядом, жевала жвачку и болтала ногами. На её футболке значилось: «Работа ртом лучше, чем отсутствие работы».

— Наконечник не острый, — добавил Ярый. — Кровотечения не будет, и сдохнуть быстро тебе не удастся. Приятного дня.

Кирюха задергался, насаживая себя на метровую елду еще глубже. Его крики переходили в надрывный, раздражающий визг.

— Карамель, — громко сообщил Ярый, пытаясь перекрыть вопли. — Хочу мороженко с соленой карамелью!

— Серьезно? — осуждающе спросила Оса, лопнув пузырь из жвачки. — Человеку тут кишки раздирает большим резиновым ху... ху...

Она засмеялась, пихнула Ярого в плечо и соскочила со стула, зашагав к чердачной лестнице.

— И правда, без смеха не скажешь. Так что, закажем мороженое?

— Или пиццу...

— С анчоусами и пепперони.

— Пепперони — отстой. С охотничьими колбасками, грибами и...

— Грибы — отстой.

— Ты вообще не существуешь, у тебя нет права голоса.

— А не пошел бы ты нахер!

— А не пошла бы ты...

* * *

На сборы у Ярого ушло чуть меньше часа. Он побросал вещи в осиротевший чемодан Кирюхи, вместо барменской униформы натянул свитер и джинсы, пованивающие копотью и солидолом, и уверенно зашагал к выходу.

— Эй, — окликнули его из-за спины. — Зачем?

Оса сидела на перилах, покачивая ногой в рыжем кроссовке.

— Зачем ты меня придумал? — спросила она. — У Кирюхи был смысл. Он придумал свою смерть, чтобы стать круче — ужаснее, конечно, но и круче, — чем был при жизни. А зачем тебе я?

Ярый усмехнулся, коротко глянув через плечо.

— Представь, что я живой, а важный для меня человек умер, — сказал он. — Случись такое, я придумал бы воображаемого друга с его лицом. Если расстался с кем-то слишком рано, хочется наверстать.

Оса молчала.

— В моем случае всё наоборот, — продолжил Ярый. — Я уже умер. Рано расстался с близкими — намного раньше, чем хотел. И кого мне придумывать, если не их?

— Так я живая, — сказала Оса, и засмеялась тихонько. — Меня тут нет, потому что я еще живая...

Отель дышал и лениво ворочался, словно кошка в корзинке. Прощаясь с ним, Ярый ощущал себя на удивление правильно. Юлька — мертвая деваха с идеальной грудью, гладко выбритой пизденкой и респиратором вместо лица, — лихо восседала на стойке портье. Пройдя мимо неё, Ярый сказал:

— Милочка, если хочешь тут работать — добро пожаловать, только надень форму.

У двери в столовую он задержался. Там всё шло своим чередом: парень с покемон-гоу, деваха с пирсингом сосков и трое горничных играли в покер. Дружное семейство — ревнивый супруг, блондинистая дама и её новый любовник, из головы которого торчал кусок арматуры, — пили кофе со свежими булочками. Шеф-повар запикивал работающий ручной блендер в рот одному из гостей, вокруг разлетались брызги крови и ошметки мягких тканей. Ярый его не осуждал: в конце концов, никому не понравится, если его стряпню раскритикуют.

— Всё, чуваки! — выкрикнул он. — Я вас люблю, но вы меня заебли аж в печенки!

Теперь Ярого отделяло от свободы только маленькое лобби — пятнадцать метров, двадцать два шага и...

Входная дверь распахнулась. В неё ввалилась дева в свадебном платье с перекошенным от ужаса лицом. Руками она придерживала многочисленные юбки, и всем своим видом напоминала безе.

— Не-е-ет, — простонал Ярый. — Опять?

— Меня убили! — завопила невеста, и голос у нее был пронзительный, как визг болгарки. — Он... он... мой жених!..

— Напиши жалобу в ЗАГС, — предложил Ярый. — Хули они вообще разрешают жениться таким долбоебам? А мы закрыты. Никаких последних пристанищ, никаких последних инстанций, никаких пос...

Волоча за собой шлейф, пропитанный кровью и оставляющий следы на полу, невеста повисла у Ярого на шее и вцепилась в него руками, как клещ.

— Он застал меня с любовником! — прорыдала она. — И вот, в момент любовного соития он так жестоко и беспощадно...

Ярый молчал. На нем висела чья-то мертвая невеста — плачущая, вся в крови, соплях и потекшей косметике, жаждущая того же, что и все убитые невесты: мести.

И потрахаться.

— Вот блядство, — сказал Ярый. — Ладно, я найду себе рэд булл, а ты найди нам ближайшую пустую комнату, окей?

Увольнение откладывалось.